

Путешествие было в основном без происшествий, и только самая плохая погода мешала им. Деревня, которую он выбрал для своего фокуса, находилась примерно в двадцати лигах отсюда. Это, вероятно, заняло бы группу мужчин, путешествующих в приличном темпе на лошадях, около одного - двух дней, чтобы закончить.

Талант Карнеса проявился еще раз, когда они спускались по горным перевалам и переваливали через горные хребты, и гора чувствовала себя так же комфортно на каменистых склонах, как и в глубоких снегах. Откровенно говоря, Эфрейну придется поговорить с ним после этого. Несколько раз лошадь неслась с такой скоростью, что он был уверен, что соскользнет с седла. Эфрейн, конечно, почти не чувствовал боли, но быть разбитым вдребезги о какие-то одинокие скалы было не самым приятным вариантом.

К тому времени, как взошла луна, конь достиг леса и скрылся за деревьями. Больше, чем когда-то странствующий филиал постучал Эфрейну обратно в седло, заслужив его взрыв смеха в Инниалисии. Это было уже не так смешно, когда особенно низкий толчок толкнул его обратно сюда. Получившийся визг был как бальзам на метафизические царапины, которые она нанесла ему.

Через некоторое время существо остановилось у ручья, позволив им спешиться, а само наклонилось и глотнуло воды. Через некоторое время существо трянуло гривой и подняло голову, выжидающе глядя на них.

- Интересно, что должен был сделать Карнес, чтобы придать ему такую выносливость? - Сказал Эфрейн, когда она ткнулась носом в его руку.

- Зная этого мальчика, лучше не спрашивать. Скорее всего, то, что он должен был сделать все еще дергается на дне какой-нибудь ямы. - Сказала Инни, запрыгивая обратно на спину лошади и жуя мясное варенье.

Деревья проплывали мимо, когда существо пробиралось сквозь корни и камни. К тому времени, как взошло солнце, они уже прошли половину пути до деревни, по подсчетам Эфрейна. Солнце вращалось и клонилось, лес превращался из извивающейся темной массы коры в приятную, хотя и холодную, залитую солнечным светом тропинку. Эфрейн попытался превратить это в игру, пытаясь определить, можно ли различить животных. Как правило, он терпел неудачу, хотя был весьма впечатлен, когда ему удалось опознать белку, исчезнувшую позади них.

Сочетание отсутствия разговоров в тылу и полной невозможности читать на такой смехотворной скорости означало, что Эфрейн быстро заскучал. Эфрейн Белакор, конечно, не был новичком в скуке, он был ее настоящим мастером. Он томился в ней, как какой-нибудь скучный кит, выброшенный на берег однообразных островов из мутного моря.

Как раз в тот момент, когда он начал подумывать о том, чтобы взорвать что-нибудь, когда они будут проходить мимо, деревья начали меняться. Листопад отступал к вечнозеленой зелени по мере того, как склон становился круче, и гора принимала его своим шагом. В этот момент яркое солнце было скрыто надвигающимися тучами. Лес выцвел до бесстрастного серого и коричневого, когда снег начал сгущаться на земле внизу. Тем не менее, все выше и выше по склону холма, снег становился все гуще по мере того, как день продолжался.

Когда Эфрейн, по крайней мере, удовлетворился своим положением, он осторожно коснулся шеи "лошади". От такого напора лошадь замедлила ход, а затем остановилась у большого валуна. Инни лениво посмотрела на него снизу вверх, и он понятия не имел, как ей удалось все это проспать.

- Что мы делаем? - пробормотала она.

- Деревня должна быть меньше чем в часе езды, я готовлюсь к "представлению", как ты это называешь."

- О, это так... - сказала она, прежде чем снова свернуться калачиком и замолчать.

Эфрейн с отвращением фыркнул, стряхивая снег со скалы и укладывая одежду на камень. Там был полный комплект: толстые перчатки с соответствующим образом зачарованными кольцами, длинная майка и брюки, жилет с высоким воротником. Плащ и капюшон представляли собой шедевры волшебной многослойной ткани, толстой и теплой, и могли разумно использоваться в качестве щита против довольно многих вещей.

На ткани поблескивали маленькие кристаллы, похожие на те, что окружали его ребра и позвоночник, - то, что питало поле, оживлявшее его. Кристаллы и их регулярная повторяющаяся структура были, безусловно, самой простой вещью, в которую можно было вплести магию. Искусственность благоприятствует моделям, как в материале, так и на практике. Это чувство лежало в основе каждого зачарованного меча и набора заколдованных доспехов. Знай узор-намерение, память и эмоции, которые им движут, и ты сможешь превратить шедевр магии и стали в обычное оружие.

Конечно, это не означало, что это было легко, но многие паттерны простирались в такие головокружительные глубины сложности, что требовалось значительное предварительное изучение, чтобы даже понять их абстрактно. Ремесленники часто использовали уникальные и противоречивые узоры в качестве своей подписи, что еще больше затрудняло различение строительных блоков.

Все, что он помнил об этом особом узоре, который он сделал под бдительным оком и умелыми руками бывшего учителя, было то, что он был древним. Строго говоря, это тоже была экспериментальная конструкция, но он был более или менее уверен, что она не подожжет его. Почти. Ну, для этого и предназначалось одно из колец, не так ли?

Полосы, которые он мягко сплавил с костями, начали пульсировать, маленькие вихри и потоки воздуха потекли прочь от полей положительного давления, которые он создал. Карнес помогал правильно составлять профили, но у него был только один способ узнать, принял ли повелитель плоти определенные меры.... вольности с внешним видом.

С последним решительным вздохом он начал натягивать одежду.

Покончив с майкой и жилетом, он брезгливо ткнул ее в плечо. Он сохранял внешний вид и упругость довольно щедро вылепленной плоти.

"Боже, теперь мне просто нужно создать искусственную кровь, чтобы она циркулировала вокруг в случае, если меня зарежут", - подумал он, саркастически, конечно.

У него не было никаких планов участвовать в каком-то доблестном боевом сценарии, где он нырял, чтобы спасти любимого товарища или какую-то мелочь вроде этого. Нет, Эфрейн Белакор был прежде всего практичным человеком - качество, которое обеспечивало ему выживание в течение многих лет. С таким же успехом он мог бы влюбиться в Истинного Владыку Света и открыться им перед церковной администрацией, прежде чем вступить в настоящую битву. Интересно, где сейчас Карнес и хорошо ли приняли его "подарок"?

Затем последовала остальная часть одежды, с маской, скользящей на нем, как будто его череп

был сделан для этого, а не наоборот. Когда он зашагал обратно к горе, его охватило чувство головокружительной радости, власти и престижа. Он ткнул Инни в бок, заставляя ее пошевелиться, когда она проснулась. Она медленно проснулась, когда он нетерпеливо стоял перед ней, приоткрыв веки.

- Ну и что? - заметил он, раскинув руки, чтобы похвастаться.

- Ты выглядишь... по-другому, - сказала она, глядя на него без всякого выражения.

- Это действительно лучшее, что ты можешь сделать?

- Чего ты хочешь от меня? Восхвалять ваше преподобное имя и говорить, что даже самые лучшие шлюхи не могут сравниться с вашей красотой?" - Сказала она, ее воинственность наконец - то подняла голову.

- Да, это было бы неплохо для разнообразия, - сказал Эфрейн.

- О, хорошо, - сказала она, - моя госпожа, воистину ты цветок среди цветов, нет, красота, нет, ты сияешь так, что ослепляет само солнце.

- Сарказм? Как я живу и дышу! - сказал Эфрейн, снова садясь на животное.

- Ты не делаешь ни того, ни другого.- Она ответила невозмутимо.

- Ради всего святого ... Ладно, поехали, - сказал он, пришпоривая лошадь.

Они карабкались вверх по склонам, пробираясь сквозь все более густые заросли деревьев, пока гребень не закруглился и не закончился. Эфрейн едва не промахнулся, но после нескольких резких поворотов и полу-ржания, полу-крика с горы они остановились на ровной тропе между деревьями. Она извивалась и кружила по лесу перед ними. Над верхушками сосен и кедров на бледном ветру бесцельно плыл тонкий след темного дыма.

Он спешил и повел животное еще немного вверх по склону. Достав из седельной сумки кусок веревки, он обвязал ее вокруг сундука и просунул в петлю седла. Существо фыркнуло, вскинув голову, но оставалось относительно спокойным на протяжении всей процедуры. Наконец Эфрейн протянул руки к осажденной кошке, все еще сидевшей на спине лошади.

- Что ты делаешь? - Сказала Инни, глядя на его протянутые руки.

- Я... предлагаю? Я знаю, как сильно ты ненавидишь холод. Прогулка по снегу не будет улучшением на этом фронте. - Сказал Эфрейн.

- И поэтому ты предлагаешь... нести меня? - спросила она, подергивая хвостом.

- То ли так, то ли пешком. - Сказал Эфрейн.

Кошка с хрустом спрыгнула в снег и поплелась прочь.

- Ну, тогда просто объясни мне, почему бы тебе этого не сделать? - Пробормотал Эфрейн.

- Что это было? - крикнула она ему в ответ.

- Я сказал, что ты идешь не в ту сторону. - Сказал он, указывая в направлении их назначения.

Она пыхтела всю оставшуюся часть пути, даже пробираясь через сугробы высотой по грудь. Наконец они добрались до кладбища - большого участка, грубо огороженного гнилым деревом. Надгробия представляли собой маленькие и многочисленные грубо вырезанные куски камня, которые торчали в небо, как уродливые зубы. Эфрейн расслабился, почувствовав нити воспоминаний, которые дрейфовали от маркеров. Это было то же самое, что заставляло некоторых людей чувствовать себя неудобно, когда они шли между камнями. Для Эфрейна это было как возвращение домой - он провел много часов среди кладбищ, читая прозрения, которые могли предложить мертвые. Пару раз он уложил несколько призраков, чтобы отдохнуть самому.

Он прошелся по участку, смахивая пальцами снежные шапки с могил и разглядывая надпись на каждой. Наконец, он нашел то, на что надеялся, - трогательно короткое расстояние, заканчивающееся завтра. Он огляделся, прикидывая, нет ли на краю двора небольшой лощины или укромного уголка, где он мог бы подождать.

- Мне любопытно, - сказала Инниалисия, обнюхивая могилу жертвы, - как ты думаешь, бедняжка умерла от холода, болезни или голода?

Край ее меха начал мягко светиться, словно сбрасывая с себя часть тела. Снег, покрывавший ее кожу, уже растаял.

- Скорее всего, от голода. Насколько я помню, пару лет назад в этой долине был голод.

- Хм. Тогда я мало что мог сделать.

Нотки презрения, возможно, исходили от кошки, но Инниалисия была блуждающей матерью, прежде всего.

<http://tl.rulate.ru/book/35048/1115688>